

Я стоял посреди этого ревущего безумия, холодный, как скала в бушующем море, и до сих пор точно помню, что я чувствовал в тот момент. Сначала я подумал, насколько нелепы были эти гротескные жесты, я почувствовал ироническое презрение к вульгарности этой вспышки, но было и еще кое—что, в чем я не хотел признаваться себе - своего рода тихая зависть к такому возбуждению, такой горячей страсти, зависти к жизни в этом проявлении пыла. Что, думал я, должно было случиться, чтобы так сильно возбудить меня, довести до такой лихорадки, чтобы мое тело горело так сильно, чтобы мой голос срывался с моих губ против моей собственной воли? Я не мог представить себе никакой суммы денег, которая так подстегнула бы меня к обладанию ею, никакой женщины, которая могла бы так сильно возбудить меня, не было ничего, ничего, что могло бы разжечь во мне такой огонь в моей эмоциональной апатии! Если бы я внезапно столкнулся с пистолетом, направленным на меня, мое сердце не забилося бы так дико за секунду до того, как я застыл, как сердца этих людей вокруг меня, тысячи, десятки тысяч из них, всего за горсть денег. Но теперь одна лошадь, должно быть, была очень близка к финишной черте, потому что некое имя прозвучало над суматохой, как натянутая струна, произнесенное тысячью голосов и поднимающееся все выше и выше, только для того, чтобы закончиться все сразу на резкой, пронзительной ноте. Заиграла музыка, толпа внезапно рассеялась. Одна из гонок закончилась, соревнование было решено, их напряжение перешло в вихревое движение, когда возбужденные вибрации утихли. Толпа, всего мгновение назад пылкая концентрация страсти, распалась на множество людей, идущих, смеющихся, разговаривающих; спокойные лица появились из-за маски безумия Менады; социальные группы снова сформировались из хаоса игры, которая в течение нескольких секунд подряд объединила эти тысячи участников гонок в единое пылкое целое, эти группы собрались вместе, они разошлись, я увидел людей, которых я знал, которые приветствовали меня, и незнакомцев, которые изучали и наблюдали друг за другом с холодной вежливостью. Женщины оценивали новые наряды друг друга, мужчины бросали жадные взгляды, начало проявляться то модное любопытство, которое является настоящим занятием равнодушных, участники скачек оглядывались, пересчитывали других, проверяли их присутствие и степень элегантности. Едва вернувшись на землю из своего бреда, никто из них не знал, была ли истинной целью их встречи в компании здесь сами скачки или эта интерлюдия прогулки по ипподрому.

Я шел сквозь эту расслабленную, толпящуюся толпу, приветствуя и отвечая на приветствия, и с удовольствием вдыхал — ибо это был мир, в котором я жил — ауру духов и элегантности, которая витала вокруг калейдоскопического беспорядка. С еще большим удовольствием я ощущал мягкий ветерок, который иногда дул из летнего тепла леса со стороны лугов Пратера, иногда рябил, как волна, среди участников скачек и перебирал белые муслиновые платья женщин, словно в любовной игре. Пара знакомых окликнула меня; хорошенькая актриса Диана приглашающе кивнула мне из ложи, но я ни к кому не присоединился. Мне не было интересно разговаривать ни с кем из этих модных людей сегодня; мне было скучно видеть свое отражение в них. Все, чего я хотел, - это испытать зрелище, потрескивающее, чувственное возбуждение, которое пронизывало повышенные эмоции этого часа (ибо возбуждение других - самое восхитительное зрелище для человека, который сам находится в состоянии безразличия). Мимо прошла пара хорошеньких женщин, я смело, но без всякого внутреннего желания разглядывал их груди под тонкой марлей, которую они носили, двигаясь при каждом их шаге, и улыбнулся про себя, увидев их наполовину неловкое, наполовину удовлетворенное смущение, когда они почувствовали, что я чувственно оцениваю их и раздеваю глазами. На самом деле ни одна из женщин не возбуждала меня, мне просто доставляло определенное удовлетворение притворяться перед ними, что они возбуждали; мне нравилось играть с их идеей, что я хотел прикоснуться к ним физически и ощущал магнетическое притяжение глаз, потому что, как и все, у кого холодное сердце, я находил более сильное эротическое наслаждение в том, чтобы возбуждать тепло и беспокойство в других, чем в том, чтобы самому пылать. Мне нравилось чувствовать только мягкое тепло, придаваемое чувственности присутствием женщин, а не

какое-либо подлинное возбуждение, только стимуляцию, а не настоящее возбуждение. Поэтому я, как обычно, шел сквозь гуляющую толпу, ловил взгляды, отбрасывал их назад легко, как волан, получал удовольствие, не протягивая руки, ласкал женщин без физического контакта, лишь слегка согретый слегка любовной игрой.

Но вскоре мне это тоже показалось утомительным. Мимо продолжали проходить одни и те же люди; теперь я знал их лица и жесты наизусть. Рядом стоял стул, и я сел на него. В группах вокруг меня началась новая турбулентность, прохожие двигались и толкались более беспокойно в суматохе; очевидно, вот-вот должна была начаться другая гонка. Меня это не интересовало, но я сидел непринужденно и как будто погружался в дым от моей сигареты, который поднимался белыми кольцами на фоне неба, становясь все ярче и ярче и распадаясь, как маленькое облачко в весенней синеве. И в эту самую секунду начался необыкновенный, уникальный опыт, который до сих пор управляет моей жизнью сегодня. Я могу точно зафиксировать момент, потому что так получилось, что я только что посмотрел на часы: стрелки скрестились, и я с праздным любопытством наблюдал, как они на секунду пересеклись. Было шестнадцать минут четвертого пополудни 7 июня 1913 года. Итак, с сигаретой в руке я смотрел на белый циферблат часов, полностью поглощенный этим детским и нелепым созерцанием, когда услышал, как прямо за моей спиной громко рассмеялась женщина звонким, возбужденным смехом, который я люблю в женщинах, исходящим теплым и испуганным из горячих зарослей чувств. Я инстинктивно откинул голову назад, чтобы увидеть женщину, чья чувственность, смело провозглашенная вслух, пробивалась в мои беззаботные грезы, как сверкающий белый камень, брошенный в тусклый и грязный пруд, — и затем я взял себя в руки. Любопытное пристрастие к интеллектуальной игре, пристрастие того рода, которое я часто испытывал к небольшому и безобидному психологическому эксперименту, удерживало меня. Я пока не хотел видеть смеющуюся женщину; меня заинтриговало то, что я позволил своему воображению сначала поработать над ней в предвкушении удовольствия, вызвать в воображении ее внешность, придав этому смеху лицо, рот, горло, шею, грудь, сделав из нее целую живую, дышащую женщину.

В этот момент она, очевидно, стояла прямо у меня за спиной. Ее смех снова перешел в разговор. Я внимательно слушал. Она говорила с легким венгерским акцентом, очень быстро и выразительно, ее гласные взлетали, как в песне. Меня забавляло размышлять о фигуре, которая сочеталась с ее голосом, стараясь как можно ярче представить свою воображаемую картину. Я наделил ее темными волосами, темными глазами, широким и чувственно изогнутым ртом с крепкими, очень белыми зубами, маленьким носом, который был очень узким, но с расширяющимися, трепещущими ноздрями. Я нанес ей на левую щеку родинку, а в руке у нее хлыст для верховой езды; смеясь, она легонько хлопнула им по бедру. Она говорила все дальше и дальше. И каждое ее слово добавляло какую-то новую деталь к моему быстро сформировавшемуся образу: стройная девичья грудь, темно-зеленое платье с бриллиантовой брошью, приколотой к нему наискось, бледная шляпа с белым пером. Картинка становилась все четче и четче, и мне уже казалось, что этот незнакомец, невидимый за моей спиной, тоже находится на освещенной фотопластинке в зрачке моего глаза. Но я пока не хотел оборачиваться, я предпочел еще больше усилить свою воображаемую игру. Легкое вождение смешалось с моей дерзкой мечтательностью, и я закрыл оба глаза, уверенный, что когда я снова открою их и повернусь к ней, моя воображаемая картина точно совпадет с ее реальной внешностью.

В этот момент она шагнула вперед. Инстинктивно я открыл глаза — и почувствовал разочарование. Я совершенно неправильно догадался. Все отличалось от моей воображаемой идеи и действительно удручающе расходилось с ней. На ней было не зеленое, а белое платье, она была не стройной, а пышной и широкоплечей, на ее пухлой щеке не было видно того места

красоты, о котором я мечтал, ее волосы под шляпой в форме шлема были бледно-рыжими, а не черными. Ни одна из моих деталей не соответствовала ее реальной внешности; однако эта женщина была красива, вызывающе красива, хотя с моим уязвленным психологическим тщеславием, каким бы глупо самонадеянным оно ни было, я бы не признал ее красоту. Я посмотрел на нее почти враждебно, но даже в своем сопротивлении этому я почувствовал сильное чувственное влечение, исходящее от этой женщины, соблазнительную, требовательную, животную желанность в ее твердой, но мягко пухлой роскоши. Теперь она снова громко рассмеялась, показав свои крепкие белые зубы, и я должен был признать, что этот теплый, чувственный смех гармонировал с ее чувственной внешностью; все в ней было страстным и вызывающим: изгиб ее груди, то, как она выпячивала подбородок, когда смеялась, ее проницательный взгляд, ее изогнутый нос, рука, крепко прижимающая зонтик к земле. Здесь была воплощенная женская стихия, первобытная сила, преднамеренное, всепроникающее обольщение, маяк похоти, ставший плотью. Рядом с ней стоял элегантный, довольно бесцветный офицер, что-то серьезно ей втолковывающий. Она слушала его, улыбалась, смеялась, противоречила ему, но все это было только между прочим, ибо в то же время ее ноздри трепетали, когда ее взгляд блуждал туда-сюда, как бы освещая каждого; она привлекала внимание, улыбки, взгляды каждого проходящего мужчины, да и всей мужской части толпы, стоявшей вокруг нее тоже. Ее глаза все время двигались, иногда обшаривая ряды кресел, и вдруг, с радостным узнаванием, отвечая на чью-то волну, поворачиваясь то вправо, то влево, пока она слушала офицера, лениво улыбаясь. Но они еще не остановились на мне, потому что я был вне поля ее зрения, скрытый от нее ее спутником. Я почувствовал некоторое раздражение и встал — она меня не видела. Я подошел ближе — теперь она снова посмотрела на ряды сидений. Я решительно подошел к ней, приподнял шляпу перед ее спутницей и предложил ей свой стул. Она удивленно посмотрела на меня, в ее глазах мелькнул огонек улыбки, и она изогнула губы в умоляющей улыбке. Но потом она просто коротко поблагодарила меня и села на стул, не садясь. Она просто слегка оперлась своей роскошной рукой, обнаженной до локтя, на спинку стула, используя это легкое изгибающее движение, чтобы более заметно продемонстрировать свою фигуру.